

АЛЕКСАНДР АНОСОВ
Родился в 1988 году. Автор
нескольких поэтических
сборников. Публико-
вался на сайтах Polutona
и «45-я параллель», а также
в журнале «Север» (г. Петро-
заводск). Живет в Москве.

*Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).*

МОСКОВСКОЕ МОРЕ

Лишь краткий миг земной мы все прекрасны.

* * *

и чем он так хорош?
жирный слизняк с рыбьими глазами.
я нашел в соцсети его фотки.
их ничтожно мало, он не красавчик.
но веселый хотя бы? Но ведь и я тоже!
или тебе просто нравятся брюнеты,
а я нет?

...10 лет назад мы летали в Италию.
езде пахло кофе и сигаретами,
а жирным слизняком еще не пахло.
как славно было читать эти вывески
ТАБАККЕРЯ, ПАСТИЧЕРИЯ...
наша первая общая граница –
неуклюже прекрасная.
нельзя класть сыр в маринару.
нельзя пить капучино в обед.
нельзя уходить вот так,
перечеркнув сапужок на карте мира,
а на руке – линию любви.
у жирного, наверное, ее и не видно.
или же наоборот – у него там глубокая зарубина?
все может быть: ведь вы столько лет вместе!

...я и потом ездил в Италию. без тебя.
поесть макарон и маритоцци.
тебе же нравятся парни в теле?
твой смотрит на тебя своим рыбьим взглядом столько лет.
мальчик-маринара,
одолевший, перевесивший меня когда-то.

хочется перемотать нас на 10 лет назад:
худые, угловатые, отчаянные, но пока не отчаявшиеся.

...я снова курю, заявляя таким образом о молодости:
мне снова 25, я в Римини, ты рядом,
и я еще не знаю, сколько таких «ты» успеет появиться,
чтобы почить в море.

зато как прочен оказался твой толстяк!
и ты тоже.
вас можно снимать в рекламе суперклея.

* * *

ты не помнишь, как лежит карандаш в руке,
как рисуется куб и конус.
ты бегаешь по Москве –
бешеной собаке всё достраивают новые кольца
под и над землей.
ты не помнишь первой любви.
и второй
тоже.
только какие-то длительные романы,
past continuous.
иногда они тянулись, как горячий сыр,
и неизменно вязли на зубах.
зато ты помнишь,
как мама забирала тебя из детского сада,
приходила с брикетом мороженого –
бананового или клубничного.
беззаботность детства слаще всякой любви.
первой, второй и даже десятой,
которая пока не наступила
и не факт, что успеет.
«Сто влюбленностей и любовей бешеной собаки» –
это подходящее название для повести Маргарит Дюрас.
правда, она уже умерла.
а и я не вспомню,
каким был с тобой и до тебя.
и до того прохожего.
московское море что-то выводит на песке
и тут же стирает написанное –
моя память – московское море.
московское время говорит:
уймись, собака бешеная,
всё у тебя есть,
только клубничного беспечного тебя с карандашом в руке
не существует.

* * *

в первый день лета стоит завести дневник
личный или погоды:
ночь была длинная.
день выдался без осадков.
а я составляю списки:
написать этому, позвонить тому,
купить: кабачки и фарш.
небо ясное.
про счастье вслух не говорю.
фарш поженится с кабачками,
а мы с тобой нет.

и прольется дождь.

* * *

там за «Солнцем Москвы»
вот-вот встанет настоящее солнце.
и пока этого не случилось,
ты здесь.
долго ли, коротко ли.
как бы я ни противился,
оно появится и злорадно подмигнет.
странно, что чертово колесо уподобили небесному телу.
а твое вот-вот скроется за дверью.
как отследить переход ночи в утро?
где разместить погранпост,
чтобы дотошная проверка
продлевала счастье?
чтобы я, как героиня Ренаты,
мог сказать: «Я летаю, я в раю»
не раз и не два, а десять.
вот он, мой потаенный таежный роман.
вот оно, лето,
бессонное и вдруг такое же долгое, как русская зима,
как мое ожидание, как твое послевкусие.
металлическое солнце крутится.
сколько ему еще?
вот бы до конца лета
(зачеркнуто: до конца света)
не расставаться с тобой.

* * *

китайский отель оказался не очень хорошим,
без лоска, уставший, как мы с дороги:
я уже воспел этот общий вагон –
ковчег, где нам, Белке и Стрелке, нашлись места.
я все время кривил лицо, все мне было не так,
не так, как в кино, и ехали мы в Купчино, а не в Венецию,
хотя и там потом побывали.
и вообще
все будет потом: и Хаятт с Мариоттом,
и кривое лицо распрямится в улыбке.
а ты так и останешься в китайском номере –
моя юность и злость,
холеная нищая Стрелка.
не роман, а вальс (собачек).
не жизнь, а сказка братьев Grimm.
и никакой Венеции,
наш поезд прибывает в Торжок.
и я улыбаюсь той любви,
которую распознал с большим опозданием,
спустя восемь бесконечных земных лет.

BONUS TRACK

«пусть тебя переделают в Переделкино» –
так мне сказала подруга, благословляя в дорогу.
тут, конечно, не станешь гендерфлюидом,
но в домик Окуджавы заглянуть можно.
можно также поваляться в гамаке,
натянутом между корабельных сосен.
и думать о тебе и почему-то об Ольге Берггольц и Виктории Токаревой,
великих здешних обитательницах.
что можно сказать в стихах такого,
чего нельзя выразить самыми простыми словами?
я не знаю, и пока меня не переделали,
сообщаю: я тебя люблю.